

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ.

10

1944

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Редакционная комиссия:
АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ ЛЕНИНГРАДСКИЙ и НОВГОРОДСКИЙ, ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ
НИКОЛАЙ, МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ

Ответственный секретарь редакции
ПРОТОИЕРЕЙ А. П. СМИРНОВ

№ 10

Октябрь 1944 года

Официальная часть

ПИСЬМО ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ, МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. В. СТАЛИНУ

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

В порыве патриотического воодушевления, по призыву покойного Патриарха Сергия, клир и верующие Русской Православной Церкви в течение всего военного периода собирали средства и жертвовали их на военные нужды,— в частности, на танковую колонну имени Димитрия Донского,— внося этим свою долю участия в великое дело борьбы, которую под Вашим верховным водительством так победоносно ведет весь русский народ. Ваши сердечные ответы на наши сообщения об этих патриотических взносах вдохновляли жертвователей, и число их умножалось. К настоящему времени общая цифра этих взносов доходит до 150 миллионов рублей, не считая пожертвований ценными вещами всякого рода.

Несомненно, близкий конец войны уже виден; блестящие победы и стремительное продвижение нашей победоносной Красной Армии громко свидетельствуют о скором разгроме германского фашизма; и на этом последнем этапе войны новые задачи встают пред нами.

Я нашел благовременным призвать духовенство и верующих нашей Православной Церкви ознаменовать приближение победного конца войны всецерковным сбором щедрых пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов доблестной Красной Армии.

Эта забота со стороны всех верующих нашего Союза о детях и семьях наших родных воинов и защитников да облегчит великий их подвиг, а нас да соединит еще более тесными духовными узами с теми, кто не щадит и крови своей ради свободы и благоденствия нашей Родины!

Для начала дела Патриархия вносит один миллион рублей.

Докладывая, дорогой Иосиф Виссарионович, Вам, чья постоянная забота простирается на все стороны жизни русского народа, об этом новом патриотическом начинании, к которому я призываю Русскую Церковь, я не сомневаюсь, что оно встретит с Вашей стороны одобрение. И это еще более побудит всех нас приложить все усилия к тому, чтобы оказаться достойными великой чести быть участниками в том общем, связанном с войной всенародном подвиге, который возглавлен Вами, нашим любимым, Богом данным Верховным Вождем.

Примите, глубокочтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, уверение в моем искреннем и глубоком уважении.

АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ ЛЕНИНГРАДСКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ, ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ

(«Известия», № 253. Вторник 24 октября 1944 г.)

ОТВЕТ ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА ПАТРИАРШЕМУ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЮ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСИЮ

МОСКВА

АЛЕКСИЮ,
МИТРОПОЛИТУ ЛЕНИНГРАДСКОМУ И НОВГОРОДСКОМУ,
ПАТРИАРШЕМУ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЮ

Благодарю Вас за заботу о детях и семьях бойцов Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН

(«Известия» № 253. Вторник 24 октября 1944 г.).

ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В дни, когда наша доблестная родная Красная Армия оканчивает священное дело очищения нашей земли от врага, когда вся страна напрягает все усилия, чтобы помочь нашему воинству окончательной победой завершить разгром гитлеризма, я, вместе со Священным Синодом, призываем всю нашу Православную Русскую Церковь ко всемерному участию в этом всенародном подвиге на последнем этапе войны.

Мы благословляем не только продолжить, но и усилить молитвы о победе нашего оружия и союзных воинств.

Через Ваши Преосвященства мы призываем духовенство и верующих всей Русской Православной Церкви ознаменовать это приближение победного конца щедрыми денежными жертвами на нужды, вызванные войной. Наша танковая колонна имени Димитрия Донского, сооруженная на общецерковные сборы, блестяще сражается с врагом и вместе со всей нашей армией гонит его из пределов нашей Родины.

Теперь перед нами стоит новая священная задача.

Облегчим подвиг наших родных воинов заботой об их детях и об их семьях.

Мы открываем всецерковный сбор в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии и к этому зовем всю нашу Церковь.

Пусть наши храмы и наши епархии соревнуются друг с другом в этом святом деле.

Господь да благословит это святое начинание наше!

Патриархия для начала этого дела вносит один миллион рублей.

Об открытии этого всецерковного сбора я сообщаю Верховному Вождю нашей Армии Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ, а по проведении его я доведу до сведения его об итогах сбора.

АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ ЛЕНИНГРАДСКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ, ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ

Церковная жизнь

ПИСЬМО ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ СОФИЙСКОМУ МИТРОПОЛИТУ СТЕФАНУ

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ВЛАДЫКО МИТРОПОЛИТ
СТЕФАН!

С чувством братской о Христе любви шлю я Вам, а чрез Вас и всему клиру и верующим болгарского народа от своего лица и от лица Священного Синода Православной Русской Церкви сердечный привет и выражение нашей общей радости по случаю вступления и вашего народа в ряды народов-борцов за правду против сатанинских сил германского фашизма.

Мы радуемся, что единоверный нам болгарский народ с края пропасти, куда ввергала его лукавая и зловредная политика ныне свергнутых его бывших вождей, отошел на единственный путь, обещающий ему спасение, путь присоединения к тем свободолюбивым народам, кои преследуют священную цель уничтожить на вечные времена и во всем мире фашизм.

Болгарский народ близок русскому народу не только по единству племенного происхождения и по языку, на котором, в древнейшем его виде, наша церковь доныне предлагает народу священное писание и совершает всю Божественную службу, но и по единству православной веры. И, таким образом, естественное братство возвышено братством духовным.

Мы с особенным удовлетворением услышали Ваш голос, голос Первосвятителя Болгарской Церкви, призывавшего благословение Божие на новое, подлинно народное болгарское правительство, порвавшее позорные узы, связывавшие болгарский народ с фашистской Германией, и поставившее себе задачей действовать отныне в полном единении с великими государствами — Россией, Англией и Америкой.

Приятно было отметить в Вашем выступлении черты благодарности к русскому народу, некогда самоотверженно и бескорыстно спасшему болгарских сынов от многовекового рабства и выведшему болгарский народ на путь свободы и жизни.

Священный Синод Русской Православной Церкви выражает надежду, что голос Вашего Высокопреосвященства будет и впредь вдохновлять Ваш народ и укреплять его на том верном пути, на который он встал с помощью Божиею.

Русская Православная Церковь с своей стороны готова всецело поддерживать Вас в Вашем высоком подвиге.

Будем надеяться, что любовь родственная, связующая наши народы, будет совершенствоваться и укрепляться любовию христианскою и что,

вопреки внешним разделениям, наши народы будут неизменно пребывать в живом внутреннем единении.

Из средоточия русского единства — Москвы — шлем Вашему Высокопреосвященству целование мира и любви и просим передать благословение нашей Церкви клиру и верующим Церкви Болгарской.

Вашего высокопреосвященства преданный о Христе собрат

АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ И НОВГОРОДСКИЙ,
ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ

НАЗНАЧЕНИЯ НА АРХИЕРЕЙСКИЕ КАФЕДРЫ

Архиепископ Калининский и Смоленский Василий (Ратмиров) перемещен Архиепископом Минским и Белорусским.

ВОССОЕДИНЕНИЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКИХ ЕПИСКОПОВ С ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

1. Обновленческий архиепископ Димитрий Лобанов из г. Рыбинска принят в общение с Православной Церковью в звании мирянина, как получивший все хиротонии от обновленческого епископа.

2. Обновленческого архиепископа Георгия Константиновского Архиепископ Днепропетровский Андрей принял в общение с Православной Церковью в сане протоиерея, в каковом он находился до обновленчества.

Речи, проповеди

РЕЧЬ
ПОСЛЕ ВРУЧЕНИЯ МЕДАЛИ «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ»

Я приношу горячую благодарность нашему родному правительству от себя и от вверенного моему руководству духовенства города Москвы за оказанную нам высокую честь — награждение медалями.

С первых дней войны московское духовенство живет общими со всей страной чувствами: священной ненавистью к врагу, разбойнически напавшему на нашу землю, и такою же священной жаждою — всеми средствами и возможностями помочь святому делу изгнания врага из пределов нашей Родины и удаления с лица земли презренного гитлеризма.

Вдохновленные призывами незабвенного старца Патриарха Сергия, имя которого будет жить в веках как знамя пламенного патриотизма, московские священники не перестанут до конца дней войны возносить в храмах ежедневные молитвы о даровании победы русскому оружию и всемерно призывать своих прихожан к денежным и материальным жертвам для усиления всенародного фонда обороны, личными пожертвованиями показывая пример своей пастве.

В дни, когда вражеские орды двигались к Москве и враг уже протягивал свою окровавленную руку к нашей столице, московские пастыри горячо призывали верующих с церковных амвонов к твердости и мужеству духа, к непоколебимой вере в то, что с помощью Божией мы отстоим от врага свою столицу и не вступит его грязный сапог на наши площади и улицы; благословляли прихожан на сооружение оборонительных рубежей вокруг Москвы и — кому позволяли физические силы — сами участвовали в этом святом деле.

Выполняя свой долг перед Родиной и столицей, многие из московского духовенства в те дни принимали участие в местных организациях противовоздушной обороны, а некоторые из них занимали и командные посты в этих организациях.

Сейчас мы осчастливлены тем высоким вниманием, какое оказало правительство скромному выполнению каждым из нас нашего христианского и гражданского долга.

Мы просим передать нашему любимому Вождю Иосифу Виссарионовичу горячие пожелания здравствовать долгие годы, здравствовать на страх врагу, на радость и славу родной земли, и просим принять наше заверение в том, что московское духовенство вместе со всей Русской Церковью будет всеми силами служить дорогой Родине: делу ее обороны — в трудные дни войны и делу ее процветания — в грядущие дни мира.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ

СЛОВО ПРОТОИЕРЕЯ Д. П. ЦВЕТКОВА ЮГОСЛАВСКОЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ПРЕД ОТПРАВЛЕНИЕМ ЕЕ НА ФРОНТ 27/VII 1944 г.

Друзья по югославской воинской части, офицеры и бойцы!

Далеко, далеко от нас гремят славные, победные выстрелы доблестной Красной Армии, верных наших союзников и всех свободолюбивых народов. Когда-то страшный и грозный враг, наводивший ужас своими варварскими зверствами, теперь трусливо и позорно бежит в свою поганую землю, оставляя на своем пути тысячи воинов, бесславно погибших от руки и огня честных мстителей, которые, не останавливаясь, молниеносно продвигаются уже по территории Карпатской Украины, Польши, Белоруссии и в прибалтийских государствах СССР. Уже ничто не может спасти врага от его неминуемой гибели.

Куда девались укрепленные опорные, боевые пункты с малыми и большими городами, с глубокими и широкими реками, с топкими болотами и непроходимыми дремучими лесами? Все это мастерски и даже чудесно сломилось и быстро выхвачено из рук фашистских завоевателей.

Наступает решительный момент, когда меч правосудия должен метко и с особой силой обрушиться на головы виновников разорения, зверств и невинно пролитой человеческой крови.

Красная Армия, предводимая гениальнейшим военачальником Маршалом Сталиным, беспощадно гонит уже согнувшегося врага.

Югославцы! Пробил и для вас святой час клятвы, после чего вы вместе с русской армией вступите в решительный бой с нашим общим кровавым врагом. Во имя справедливого дела, ради любви к своей Родине и ее свободы соберите все свое военное знание, мужество, примените военную хитрость, призовите благословение Божие, и лишь получите приказ, докажите свою боевую честность в кровавом бою с заклятым врагом, неся ему беспощадную смерть и полное поражение. Пусть ваши воинские части, сформированные на территории СССР, за свои подвиги будут вписаны большими буквами на страницы истории великой войны наряду с именами всех верных преданных участников в освобождении страдающих народов, начиная от командиров и кончая бойцами.

С Богом на эти сражения! Да здравствует победа славянских союзников!

Смерть поработителям славянской свободы!!!

Статьи

О СОСТАВЕ ПОМЕСТНОГО СОБОРА

Православная Восточная Церковь почитает собор высшею церковною властью и в области церковного вероучения, и в области церковного управления. Начало соборной власти в Церкви восходит к первым годам существования Христианской Церкви. Первый церковный собор происходил при апостолах и при их непосредственном участии.

В последующее время с умножением христианских общин и образованием самостоятельных и автокефальных церквей соборы стали различаться на вселенские и поместные. И те и другие вырабатывали определения и правила, касавшиеся веры и жизни Церкви, обязательные для христиан на последующие времена. Постановления соборов получили название канонов в отличие от постановлений светской власти, касавшихся Церкви, получивших название законов (номос). Сборники таких церковных и государственных постановлений известны под названием «Номоканоны» [1].

Русская Православная Церковь при самом начале своей истории получила вместе с вероучением церковное право Византии в виде Номоканона, получившего на Руси название Кормчей.

Практика русской церковной жизни скоро выявила необходимость созыва Русского поместного собора.

Первый собор Русской Православной Церкви состоялся в Киеве в 1051 г. при великом князе Ярославе Владимировиче. Ярослав был великим патриотом своего времени, страстно любил свое государство, ревниво относился к наличию греков среди русской иерархии и не терпел зависимости Русской церкви от Константинопольского патриарха. Решившись добиться независимости Русской Церкви, великий князь созвал епископов русских епархий в Киев, и они признали каноничным желание великого князя избрать митрополита Киевского из русских священнослужителей и рукоположить его без согласия Константинопольского патриарха. Летопись не сохранила имени ни одного епископа, бывшего на первом Киевском соборе; их было в великом княжестве Киевском не меньше пяти, и надо думать, что все они присутствовали на соборе. По предложению Ярослава киевским митрополитом был избран Иларион, муж благой, книжный и постник (Никонова летопись). Еще будучи священником в селе Берестове, он выкопал пещеру, в которую ежедневно удалялся для уединенной молитвы. Он первый положил начало киевским пещерам. Он и был рукоположен в митрополиты русскими епископами в храме Софии.

[1] В Греческой Церкви кодексами действующих церковных правил служат Пидалион, составленный греческими учеными в 1793—1800 гг., и Синтагма, изданная в Афинах в 1852—1859 гг.

Первый Киевский собор был началом соборной практики Русской Православной Церкви. В последующее время соборы созывались по обстоятельствам и потребностям в разных городах, по именам которых известны в истории (Киевский, Владимирский, Переслав-Залесский, Московский, Тверской). Все они были временными поместными соборами Русской Православной Церкви. При патриархах соборы различались на великие, когда присутствовали по возможности все епископы Русской Церкви, и малые — из «прилучившихся» в Москве архиереев. Постоянный собор вместо временных, был учрежден при Петре I и назван «освященным собором» при местоблюстителе патриаршего престола Стефане Яворском. В 1721 году, взамен соборов, учрежден был Святейший Правительствующий Синод. С этого момента созвание соборов в Русской Православной Церкви прекратилось. Такое положение продолжалось почти двести лет. В 1917 году предполагался чрезвычайный собор для реформы всей русской церковной жизни. По широте замыслов, по беспримерности организации и незаконченности этого собора он не может быть поставлен в традиционный ряд временных поместных соборов Русской Церкви. И только собор 1943 года является звеном, связующим современную соборную жизнь Русской Православной Церкви с соборами ее в XVII столетии.

Двухвековой перерыв соборной практики Русской Церкви не коснулся силы канонов, определяющих вероучение и жизнь Церкви. Каноны Церкви Вселенской остаются не отмененными и обязательными. Целый состав таких канонов, по утверждению канонистов, считается завершившимся и законченным в X веке, с изданием Номоканона Фотия патриарха. В этот состав входят: правила апостолов, правила семи вселенских и девяти поместных соборов и правила, извлеченные из творений тринадцати отцов церкви, указанных Вселенским Собором (Трульским). Это основные законы действующего церковного права Православной Церкви.

Все эти основные законы, составляющие так называемый «церковный канон», входят в «Книгу правил», издававшуюся Русской Православной Церковью. «Книга правил» есть основное уложение, имеющее обязательную силу для всей Православной Церкви, в том числе и для Церкви Русской.

Таким образом, Русская Православная Церковь, имея по законам нашего Советского Правительства право самостоятельной канонической жизни, располагает всеми данными для свободных и безукоризненных соборных действий. Одним из опытов этих действий был Московский собор 1943 года, восстановивший патриаршее управление в Русской Церкви и поставивший Святейшего Сергия Патриархом Московским и всея Руси.

И собор 1943 года и Патриарх Сергий были единодушно признаны в своем каноническом достоинстве всею Православною Восточною Церковью в лице своих патриархов и освященных соборов, и представителями христианских обществ иных исповеданий и даже иноверных. И только из среды зарубежных церковных кругов, именующих себя православными, явилась попытка заподозрить правомочия Московского собора 1943 года и каноничность произведенных им действий,— попытка, канонически не обоснованная, не заслуживала бы упоминания, если бы она вновь не подняла старый вопрос, десятилетиями обсуждавшийся в церковных кругах Святейшего Правительствующего Синода. Это вопрос о составе собора. Эмигрантская печать заявила, что на соборе 1943 года не было представительства клира и мирян Русской Церкви, а также и

всех без исключения епископов Русской Церкви, и потому он является будто бы не правомочным.

Так ли это? Действительно ли собор епископов не правомочен? Действительно ли, что епископский собор становится правомочным только от участия на нем клириков и мирян?

Решить эти вопросы должно основное уложение церковного права Православной Церкви — «Книга правил».

Итак, можно ли, стоя на строго канонической почве, утверждать, что клирики и миряне имеют право наравне с епископами участвовать с решающим голосом на поместных соборах?

Ответ может быть только отрицательный[1]. «Книга правил» не содержит никаких узаконений для участия клира и мирян в соборах и, напротив, со всею определенностью узаконяет соборы епископов. Правило Апостольское 87-е и I Вселенского Собора 5-е предписывают почти в одинаковых выражениях всем епископам области два раза в год собираться на областные соборы для рассмотрения дел веры и дел управления: «Дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковные прекословия»... «И так, дабы о сем происходити могло приличное исследование, за благо признано, чтобы в каждой области дважды в год были соборы; чтобы все вообще епископы области, собравшиеся воедино, исследовали таковые недоумения»... И всюду, где «Книга правил» говорит о соборах и определяет для них какие-нибудь правила, она говорит только об епископах и никогда не говорит о пресвитерах, клириках, мирянах (IV Всел., 19; VI Всел., 8; VII Всел., 6; Карфаг., 14, 27, 87, 141, 142; Лаодок., 40 и др.).

По канонам церковным епископы собираются на собор не в качестве депутатов от своей паствы, а исключительно в силу своего сана. Если в древней Церкви епископы и выбирались паствой, то во всяком случае «Книга правил» знает лишь избрание епископа «собором и по суду епископов же»: «...имеющий произвестися во епископа должен избираем быти от епископов, якоже святых отец в Никеи определено в правиле, которое гласит: епископа поставляти наиболее прилично всем тоя области епископам...» (I Всел., 4; VII Всел., 3; Антиох., 19, 23; Лаод., 12). И самая формула посвящения во епископа подтверждает это положение: «Избранием и искусом преосвященных архиерев и всего Освященного Собора». Что касается права народа участвовать в избрании епископов, то оно «Книгою правил» категорически отрицается: «Да не будет позволяемо сборищу народа избирати имеющих произвестися во священство» (Лаодик., 13).

Не имея опоры в канонах, указывают на историю соборов древней Церкви, когда наравне с епископами участвовали на некоторых соборах и пресвитеры, и клирики, и монашествующие, и миряне. Особенно указывают на Собор Апостольский. Однако на протяжении многовековой истории Церкви указывают только один случай Византийского собора по делу патриарха Досифея, на котором все участники — епископы и чины патриаршего двора (клирики и миряне) — отвечали на поставленный вопрос одинаковой формулой: «определяю». Можно прибавить другой случай из истории русских соборов 1666—1667 гг.

Но отдельные случаи соборной практики не могут получить силу закона, пока не воплотятся в каноны. Руководиться такими случаями

[1] Таково же мнение Архиепископа Финляндского Сергия, впоследствии Патриарха, в докладной записке предсоборному присутствию в 1905 году.

значило бы отрицать весь исторический опыт Церкви Православной, приведший ее к изданию действующих канонов. Кроме того, древняя Христианская Церковь занимает особое положение. Тогда Церковь, как указал епископ Волынский в докладной записке предсоборному присутствию (в 1904 г.), изобиловала благодатными дарованиями, пред которыми все церковные власти склоняли головы, не боясь потерять свой авторитет или нарушить канон, почему и каноны не были так нужны и допускали изъятия.

Опираясь на Собор Апостольский, надо прежде всего помнить, что присутствовавшие на нем иерусалимские пресвитеры и братия многие сами были «самовидцы и слуги Слова» и имели авторитет, совсем особенный и не зависящий от их иерархической степени.

Состав Апостольского Собора, по мнению Святейшего Патриарха Сергия в докладной записке, «яснее всего может доказать, что совместное участие в рассуждениях собора и даже подпись под его протоколом далеко еще не означает равноправности всех участников. Едва ли кто может допустить, чтобы пресвитеры Иерусалимской Церкви вздумали равняться своим авторитетом с апостолами и чтобы апостолы в свою очередь имели нужду и намерение подтверждать или проверять свой авторитет голосом собранных пресвитеров. Ведь одним из главных участников Собора был святый апостол Павел, тот Павел, который в своих посланиях с силой и настойчивостью доказывал, что он никому из людей, ни даже апостолам, своим учением не обязан, что он получил откровение и авторитет апостольства непосредственно от самого Господа Иисуса Христа».

Итак, какова бы ни была практика Церкви, в разное время выработанный историческим опытом и соборами узаконенный канонический строй Церкви знает для областей только соборы епископов. Поэтому участие клира и мирян на соборе должно быть поставлено так, чтобы оно не нарушало основного принципа канонического строя.

Непременными участниками собора должны быть все епархиальные архиереи сами лично или, в случае невозможности прибыть, через своих заместителей, которыми могут быть и викарные епископы, и простые клирики, и даже миряне. Эти заместители заседают, подают голоса и подписывают акты собора с архиереями в порядке старшинства своего епископа. Но чтобы каждая епархия, не довольствуясь присутствием на соборе своего епископа, выбирала еще представителей из клира и мирян, такого представительства не знают ни каноны, ни церковная история. Тем более не знает она выборов особых представителей от разных чинов церковных — особо от клира и особо от мирян. Клир и миряне были на соборах не по выборам и не по уполномочию от своих доверителей, а просто потому, что соборы не были закрыты ни для кого из православных. С течением времени место народа на соборах иногда стали занимать император и светские власти. И в этих случаях относительно клира осталось прежнее правило общедоступности соборов: они происходили в присутствии «всего Освященного Собора», т. е. могли присутствовать и принимать известное участие все клирики, которым было недалеко и удобно прибыть. Клирики просто приезжали в свите епископа и потому в неограниченном количестве. И предполагалось, что на соборе присутствуют не представители только Церкви, а вся Церковь как одно целое, в полном своем составе: все епископы со всем освященным собором и всем множеством православного народа, причем епископы, по общем обсуждении, ставили определение, а «хранитель благочестия» — народ — своим присутствием и послушанием определе-

нию свидетельствовал о его православии, о верности церковному преданию.

На соборах Русской Православной Церкви сохранялась та же практика. И на них предполагались присутствующими весь Освященный Собор и все народное множество. А так как всем собраться было невозможно, то от клира присутствовали не выборные, а церковные «власти», т. е. настоятели монастырей, архимандриты, игумены, протопопы, поповские старосты и подобные представители Церкви по должности, причем выбор и приглашение их часто возлагались на епархиальных архиереев. Иерархический принцип применялся и на соборах западнорусских, куда от клира являлись те же «власти» по приглашению и выбору епархиального епископа.

Что касается мирян, то выборными они бывали на соборах западнорусских, где по условиям церковно-гражданского быта приглашались выборные от мирян. На русских московских соборах это были члены Думы и свиты царя и чины Патриаршего двора: и те и другие из знатнейших бояр царских и патриарших.

ПРОФЕССОР Г. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ленинград, это — по восторженному описанию Пушкина — «полночных стран краса и диво», в дни Отечественной войны действительно показал себя «красой и дивом» и в подвиге перенесенного им мученичества, и в геройской и мужественной самозащите, и в высоком подвиге патриотизма.

Занимая исключительно важное стратегическое положение на всем северо-западе русской земли, Ленинград подвергся особенному натиску неприятеля, мечтавшего овладеть этим прекрасным городом и тем оттеснить нас от берегов Балтийского моря со всеми огромными политическими и экономическими последствиями этой потери.

Спустя только два месяца от начала войны Ленинград уже был обложен немцами и в течение 900 дней перенес одну из ужаснейших осад, какие только приходилось нашей Родине вынести в истории войн вообще.

В течение 900 дней это был город-фронт. Ежедневные обстрелы разных частей города, часто по несколько часов подряд, особенно в местах скопления народа — на трамвайных остановках, бомбежка с воздуха; разрушение зданий. Какое нужно напряжение нервов, чтобы ежедневно слышать вблизи эти разрывы шрапнели, жить под обстрелом в верхних этажах домов, ежеминутно ожидая смерти, передвигаться перебежками по городским улицам, видеть кровь невинных жертв безумного вандализма!.. Прибавьте к этому абсолютную темноту в вечерние часы, порчу водопровода и неизбежное хождение за водой на реки и каналы, остановку транспорта при громадных расстояниях и не прекращавшейся непрерывной работе учреждений и заводов; сокращение пищевого пайка и вместе с тем напряженную оборонную работу, которую мужественно и доблестно несли все граждане.

Особенно тяжелы были первые месяцы — октябрь, ноябрь, декабрь 1941 г. Потом началась дистрофия, за ней смертность, хотя паек уже увеличивался, ослабевшим от истощения периодически устраивалось усиленное питание в больницах, наладился и подвоз боеприпасов и продовольствия по льду Ладожского озера.

Все это теперь позади; до некоторой степени стало уже историей; многие детали даже улетают из памяти. Но всю эту небывалую страду надо было перенести...

Поистине город-мученик!

И Ленинград перенес это. Он не только мужественно и стойко перенес все тяготы блокады, но и геройски защищал и защитил себя. Работа в учреждениях не прекращалась ни на один день; на заводах она не только шла непрерывно и бесперебойно, но до крайних пределов усилилась, чтобы в достаточной степени изготовить все нужное для

обороны. Одновременно все мобилизовались для уборки разрушенного, очистки дворов и улиц; предусмотрительно занялись повсеместно устройством огородов для обеспечения на время продолжения осады. И лишь только было прорвано кольцо блокады, как город уже начал энергично залечивать нанесенные ему раны, начал восстанавливаться и переходить к нормальным формам человеческого существования.

Сейчас Ленинград уже тыловой город.

Меньше видно на улицах военных людей и военных машин; жизнь входит в обычную колею, не прерываемую больше сигналами опасности; город быстро заполняется и отстраивается во всех мелочах быта. По внешности он снова приобретает прежний величественный, красивый, строгий, стройный вид; закипела жизнь в учебных заведениях, ожили все культурные учреждения, временно эвакуировавшиеся. И как истинный герой никогда не думает о своем героизме и не кичится им, так и Ленинград, исполнив с честью дело самозащиты, со всей энергией обратился к огромной восстановительной работе, чтобы восполнить упущенное за время осады и позаботиться о скорейшем развитии всех сторон жизни города. Да, действительно это — город-герой.

Город тыла в настоящем, Ленинград, сам переживший все тяготы фронта, все ужасы блокады, тем крепче был связан с остальным фронтом кровной, неослабной душевной связью. Защищая себя, он всегда помнил о матери-Родине, о братьях-воинах, на огромном пространстве защищающих родную землю. И когда Святейший Патриарх Сергий, а за ним и Митрополит Ленинградский Алексий, сам остававшийся во все время блокады вместе с осажденными, обратились к верующим с призывом объединиться в патриотическом подъеме вместе со всем народом и нести свои жертвы на оборону страны, Ленинград, как один из первых сынов своей великой Родины, горячо откликнулся на этот призыв и, сам претерпевая муки голода и тяжелой осадной жизни, отдавая все силы и жизнь делу самозащиты, со всем усердием нес свои жертвы на общее дело. Люди отдавали свои сбережения, свои ценности, предметы обихода; несли золотые броши, серьги, цепочки, часы, кольца, бриллианты, серебряные ризы с икон, украшения, наперсные и настольные кресты и цепи; был даже кусок платины весом 197,7 грамма.

За три года войны Ленинград — один, отрезанный от остальной области, сильно уменьшившийся в количестве населения, собрал на военные нужды свыше 13 миллионов.

По официальным данным о проведенных в храмах Ленинграда сборах, начиная с 22 июня 1941 г. и до 1 октября 1944 г., всего было собрано духовенством и верующими Ленинграда:

На цели обороны	11 038 507	руб.
На подарки Красной Армии	254 750	»
На оказание помощи больным и раненым, находящимся в госпиталях	2 363 719	»
В том числе:		
Наличными деньгами	12 635 969	»
Облигациями государственных займов	973 950	»
Драгоценными предметами	40 006	»
Различными предметами	7 051	»

Так в свой венок страдальца и мученика Ленинград, этот город-герой, город-победитель, вплел и яркие цветы высокого патриотизма, цветы самоотверженной любви к своей великой Родине.

АРХИЕПИСКОП ГРИГОРИЙ

РОДИНА ОЦЕНИЛА ИХ ЗАСЛУГИ

6 октября в Совете по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР, в торжественной обстановке, были вручены медали «За оборону Москвы» православному духовенству. На торжестве присутствовали: председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов, члены Совета, Патриарший Местоблюститель Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, представитель Мосгорисполкома и председатель Фрунзенского райсовета депутатов трудящихся.

Первым получал медаль Крутицкий Митрополит Николай. В своем слове, благодаря советское правительство за высокую честь, Митрополит Николай сказал те прочувствованные и искренние слова, которые являются выражением настроения многих и многих служителей Русской Православной Церкви.

«С первых дней войны,— сказал Митрополит,— московское духовенство живет общими со всей страной чувствами: священной ненавистью к врагу, разбойнически напавшему на нашу землю, и такой же священной жаждой — всеми возможностями и средствами помочь святому делу изгнания врага из пределов нашей Родины и удаления с лица земли презренного гитлеризма.

Вдохновленные призывом незабвенного старца Патриарха Сергия, имя которого будет жить в веках как знамя пламенного патриотизма, московские священники не перестанут до конца войны возносить в храмах ежедневные молитвы о даровании победы нашему оружию, всемерно призывать своих прихожан к денежным и материальным жертвам для усиления всенародного фонда обороны, личными пожертвованиями показывая пример пастве».

Среди награжденных — архиепископ Алексий Палицын и епископ Сергий Ларин. Первый в настоящее время находится в Куйбышеве, второй в Одессе, и медали им будут вручены на месте, но оба они во время опасности, угрожавшей столице, оставались в Москве и много потрудились на благо Родины.

Медали вручает представитель Московского городского исполнительного комитета П. В. Майоров. Один за другим подходят к столу президиума московские священники. Это все люди пожилые, убеленные сединами, прошедшие длинный и сложный жизненный путь. Одеты они нарядно, в черные и лиловые атласные рясы, на груди у каждого блестит большой крест.

Вот протоиерей Николай Колчицкий, настоятель Богоявленского Кафедрального собора, управляющий делами Московской Патриархии. С первых дней войны он был ближайшим и деятельным помощником Патриарха Сергия.

Патриарший Местоблюститель Митрополит Алексий (справа), награжденный медалью «За оборону Ленинграда», и Митрополит Николай, награжденный медалью «За оборону Москвы»

Вот протоиерей Николай Бажанов, настоятель Воскресенской церкви в Брюсовском переулке. Мне приходилось беседовать со многими его прихожанами. В период вражеских налетов на Москву он, не оставляя своих обязанностей священнослужителя, был начальником противопожарной охраны домоуправления № 84. На территории дома, где священник проживает, равно как и вверенного ему объекта, все зажигательные бомбы были своевременно погашены, и два больших дома с плотным населением были спасены от пожаров.

Настоятель московской церкви во имя Св. Духа на Даниловском кладбище, протоиерей Павел Успенский, в тревожные дни не покидал Москву, хотя обычно он живет за городом. В храме было организовано круглосуточное дежурство, очень тщательно следили за тем, чтобы на кладбище по ночам не задерживались случайные посетители. В нижней части храма было организовано бомбоубежище, которое в настоящее время переоборудовано в газоубежище. Для оказания первой помощи в несчастных случаях при храме создан был санитарный пункт, где имелись носилки, перевязочный материал и необходимые лекарства. Жена священника и две его дочери принимали участие в сооружении противотанковых рвов под Москвой. Энергичная патриотическая деятельность священника станет еще более показательной, если упомянуть, что ему сейчас шестьдесят лет.

Благочинный 2-го Московского округа, настоятель Ильинской церкви в Черкизове, протоиерей Павел Цветков, во время налетов вражеской авиации организовал в храме убежище для престарелых и детей. Сам он нес ночные дежурства около дома и во время воздушных налетов принимал меры по противопожарной безопасности. Принимал участие в рытье водоема около стадиона «Сталинец». Организовал среди прихожан сбор лома цветных металлов. На танки, самолеты, на подарки бой-

цам Красной Армии прихожане и служители Ильинской церкви собрали 185 000 рублей.

У протоиерея Петра Филонова, настоятеля московской церкви во имя Нечаянной радости в Марьиной роще, три сына в Красной Армии. Он также организовал в храме убежище, так же как и все граждане столицы, в свою очередь стоял на постах охраны. И наряду с этим он вел большую разъяснительную работу среди верующих, указывая на вредное влияние вражеской пропаганды, проникавшей в столицу в разбрасываемых немцами листовках. Слово духовного пастыря было весьма плодотворным в те тяжелые и тревожные дни.

Протоиерей Василий Романков, настоятель церкви Пятницкого кладбища, собрал среди прихожан значительные средства в фонд обороны и сам из своих личных сбережений делал неоднократные взносы и деньгами и теплой одеждой для фронтовиков. За свою активную помощь Красной Армии он получил личную благодарность Главнокомандующего Маршала Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина. Общая сумма вклада в дело обороны, общины и лично священника, выражается в сумме около полумиллиона рублей.

Среди награжденных протоиерей Стефан Марков, настоятель Знаменской церкви в Переяславской слободе и благочинный 1-го Московского округа; протоиерей Аркадий Пономарев, настоятель церкви Петра и Павла у Яузских ворот; протоиерей Михаил Кузнецов, настоятель церкви в г. Бабушкине; протоиерей Вячеслав Соллертинский, настоятель Преображенской церкви; протоиерей Павел Лепехин, настоятель Николаевской церкви в Хамовниках; протоиерей Федор Казанский, настоятель церкви на Ваганьковском кладбище и благочинный 3-го Московского округа; протоиерей Петр Турбин, настоятель Всехсвятской церкви в г. Тула; протоиерей Михаил Понятский, настоятель церкви 12 Апостолов в г. Тула и благочинный Тульской области.

Группа награжденных священников Москвы и Тулы

Священники Москвы, награжденные медалями «За оборону Москвы», во главе с Митрополитами Алексием и Николаем.

У каждого из награжденных найдется много воспоминаний о напряженных днях страшной зимы сорок первого — сорок второго года, и каждый сегодня с удовольствием и глубоким удовлетворением вспомнит о той лепте, которую он внес на алтарь отечества.

Протоиерей Михаил Понятский от лица всего тульского духовенства благодарит советское правительство за оказанное внимание и говорит:

«В минуты трудных дней духовенство работало вместе с рабочими, ковало защиту нашей Родины и нашего родного города...»

Протоиерей Павел Цветков выступил от имени награжденных московских священников:

«Сегодня мы видим,— сказал он,— что и наши труды отмечены правительством, удостоившим нас вниманием — высокой наградой — исторической медалью «За оборону Москвы».

Наиболее точную оценку деятельность московского и тульского духовенства нашла в словах Г. Г. Карпова, председателя Совета по делам Русской Православной Церкви. Он сказал:

«В своих речах, проповедях и обращениях к верующей части населения епископат и духовенство Патриаршей Православной Русской Церкви укрепляли веру в победу, вселяли дух мужества, призывали к патриотическим подвигам в труде, в деле укрепления обороны страны и, в частности, в деле защиты Москвы — славной столицы нашей Родины...»

Возвращаясь на свои места от стола президиума, многие священники тотчас же прикалывают медали к рясе. На медали «За оборону Москвы» изображен Кремль — древнейший оплот русского государства, в истории которого православное духовенство сыграло далеко не последнюю роль. И в нынешнем тяжелом испытании для молодой Советской страны православное духовенство четко определило свою роль — единый путь со всем народом. И когда после окончания торжества

вручения медалей Патриарший Местоблюститель Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий поздравляет своих сослужителей, то он не ищет высокопарных слов, а говорит просто, по-дружески:

«Уверен, что то высокое внимание, которое оказало Вам наше правительство, отметив Ваши патриотические труды награждением медалью «За оборону Москвы», побудит Вас с еще большим рвением отдаться делу возбуждения в Ваших пасомых духа любви к Родине и готовности отдать ей свои силы. Употребите же все Ваше пастырское влияние ради этой великой задачи. А нынешняя радость Ваша да будет преддверием той великой радости, которую испытаем все мы — русские люди, когда увидим не только Родину нашу, но и весь мир освобожденным от фашистского зла».

АНТОНИНА ШАПОВАЛОВА

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Древнерусская живопись является основным звеном в истории русского национального искусства. В России древняя живопись еще исстари стала привлекать внимание ревностных собирателей и любителей, ценивших в ней, впрочем, не столько художественную, сколько историческую и религиозную святыню.

Нет ничего труднее, как определение национальных элементов творчества, особенно такого идеалистического, каковым была древнерусская религиозная живопись. Национальные оттенки, выраженные в ней, скорее могут быть прочувствованы, чем переданы на словах. О проявлении национальности в искусстве можно говорить с уверенностью лишь тогда, когда искусство, заимствованное одной нацией у другой, перерождается в новом своем отечестве в новое искусство.

Таким ярким примером может служить древнерусская живопись, имевшая в истоках своих греческое эллинистическое искусство и нашедшая свои национальные формы, культуру линии, цвета и содержание в великих гениальных творениях иеромонаха Андрониева монастыря Андрея Рублева.

В XIV веке много находилось греческих художников, работавших на Руси, в частности в Новгороде и Москве. Среди этих людей был великий греческий художник по имени Феофан.

Есть предположения, что Димитрий Донской выписал в Москву Феофана для росписи церквей и домов в Кремле. Личность Феофана производила на москвичей громадное впечатление. Не в тихой уединенной мастерской выполнял он свою работу, а любил расписывать стены в присутствии многочисленных зрителей.

Творческий подъем сопровождался всегда у него рассказами о Византии, о прославленном храме Святой Софии.

Живопись этого великого художника отличалась исключительной простотой, суровостью своих линий и могучим, страстным, широким письмом.

Русские художники учились у него, и среди обучающихся безусловно был юный тогда иконник Андрониева монастыря Андрей Рублев.

Он жадно впитывал культуру, многовековой художественный опыт Византии.

По своему складу характера Андрей Рублев был полной противоположностью своему гениальному учителю Феофану Греку. Он был всегда погружен в себя, робок в обращении, настойчив в своих исканиях — в сердце своем он хранил божественный дар русского художника, мечтающего воплотить в своих произведениях жизнерадостность,

уверенность в силе русского народа, вступившего на широкий путь творческой жизни.

Юность Андрея Рублева, если мы вспомним историю древней Руси, связана с рассказами о недавно одержанной победе над татарами. Правда, победа на Куликовом поле не было окончательной, но она развеяла в прах легенду о непобедимости татар и тем самым вывела всю страну из оцепенения и вызвала исключительный творческий подъем среди широких слоев населения древней Руси.

Возможно, что юные годы Андрей Рублев провел в Троице-Сергиевском монастыре, и по всей вероятности великий просветитель Сергий оказал исключительное влияние на духовное формирование и на миросозерцание Андрея Рублева.

В основу бытового уклада Троицкого монастыря были положены упорный труд и смирение. Это также безусловно отразилось на всем творчестве Андрея Рублева.

Призвание к живописи Андрея Рублева не могло нормально развиваться в Троицком монастыре и, естественно, молодой художник отправился в Московский Андрониев монастырь на берегу Яузы.

В Москве и суждено было Андрею Рублеву встретиться с Феофаном Греком, учиться у него и совместно начать работу над живописью Благовещенского собора.

До наших дней осталось очень мало данных о первых художественных шагах Андрея Рублева.

В 1408 году по почину Московского великого князя решено было отправить его в г. Владимир для росписи Успенского собора.

В этой работе вместе с Андреем Рублевым участвовал друг его по Андрониеву монастырю Данила Черный.

Там Андрей Рублев создал замечательнейшие фрески на тему «Страшный суд».

В русских сказаниях преобладают суровые ноты возмездия от Великого Судьи. Так в византийских изображениях «Страшного суда» фигуры отличаются угнетенностью, обреченностью. Наоборот, у Рублева фигуры почти невесомы, идут порывисто, плавно, все стремятся вверх, среди множества изображенных фигур и лиц выделяется Апостол Петр.

В этой же фреске Страшного суда нельзя не упомянуть пленительных грациозных ангелов, возвещающих трубным гласом о наступлении торжественного часа суда.

Прошло несколько месяцев по окончании росписи Рублевым Успенского собора, как над Русью разразилась новая страшная беда, которая доставила русскому народу много горя и разорения. Хан Едыгей неожиданно в декабре напал на Москву, разорил ее и, забрав дань, отправился в Золотую орду.

Через два года той же участи подвергся и город Владимир. Мы не знаем, где в эти годы находился Андрей Рублев. По всей вероятности, он отсиживался за крепкими стенами Андрониевого монастыря или уехал на Крайний Север.

Несмотря на временное разорение, русский народ нашел в себе силы для того, чтобы развить кипучее строительство, и в первую очередь восстанавливается обитель Сергия — Троицкий монастырь. Преемник Сергия, Никон, строит белокаменный храм, который украшает росписью Андрей Рублев совместно с Данилой Черным. В этот же период создается великое, мирового значения произведение — икона «Троица» [1].

---

[1] В настоящее время эта икона находится в Москве, в Государственной Третьяковской галлерее.

«Троица» Андрея Рублева написана на древнее сказание о том, как старцу Аврааму явились три юноши, и он вместе со своей супругой Саррой под сенью дуба Мамврийского угощали их, втайне догадываясь, что в них воплотились три лица «Троицы».

Видимо, долго готовился Андрей Рублев к созданию этого замечательнейшего произведения, воплотивши в нем все свое гениальное дарование. На доске изображена в традиционной византийской иконографической схеме ветхозаветная Троица. Ангелы в одеяниях густого теплого тона, с медленными и нежными движениями рук, сидят на невысоких седалищах вокруг трапезы, склоняя с бесконечной грацией убранные пышными высокими прическами головы, и с какой-то меланхолически строгой задумчивостью устремляя глаза в таинственную вечность. Краски составляют одно из главных очарований этой иконы. В «Троице» Андрей Рублев хотел, чтобы краски звучали во всю свою мощь.

Драгоценнейшая и высокочтимая среди художников краска ляпис-лазурь заполнила середину иконы, это придает «Троице» радостное чарующее впечатление.

Рядом с сияющим синим плащом — малиновый рукав одного из ангелов переливается розовым и дополняется зелено-голубоватым тоном.

Вряд ли догадывался Андрей Рублев сам о великом значении своей «Троицы».

В искусстве эпохи Возрождения было немало пленительных образцов женской красоты, но лишь один Андрей Рублев достиг в своих ангелах «Тройцы» сочетания красоты, внутреннего изящества и созерцательности.

Краткие даты жизни Андрея Рублева следующие: родился около 1370 года; можно предположить, что он происходил из боярского рода Рублевых. Умер в 1430 году и погребен в Андрониевом монастыре, где расписывал церковь.

М. В.

ПОЧЕМУ РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРАЗДНУЕТ КАЗАНСКОЙ ИКОНЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ 22 ОКТЯБРЯ

«Ина толки у нас ныне по Бозе и по Пречистой Его Матери стены и забрала» (*Древнерусская «Новая Повесть»).*

1611 год в жизни русского народа был чрезвычайно тяжелым. Московское государство казалось на краю гибели. Столица была оккупирована польско-литовским войском. Сидевший в Москве командир польского гарнизона Александр Иванович Корвин-Гонсевский, официально числившийся представителем королевича Владислава, фактически был неограниченным правителем. Семибоярская дума, представлявшая временное правительство Московского государства, превратилась в простое орудие в руках Гонсевского, заместившего все правительственные учреждения польскими «доброхотами» и «похлебцами». Русские правители стали «кривителями», а «землеседцы» — землесъедцами. На страже интересов родины в оккупированной Москве стоял только патриарх Гермоген, «столп и твердый адамант и крепкий воин Христов». Но у мужественного святителя не было ни меча, ни шлема, ни копья, ни вооруженных воинов. В его распоряжении было только слово Божие, «аки некое изрядное оружие, действующее паче всякого меча, обоюдуострого». Королевское войско осаждало Смоленск, который «ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное сердце держал короля и претил итти к Москве». Боярская грамота из Москвы предписывала смольнянам положиться на королевскую волю, но эту грамоту отказался подписать Гермоген, а без его подписи, как «начального человека в безгосударное время», она не имела силы. Когда русские «земледержцы»... «отстали от патриарха и ум свой на последнее безумие отдали... и к врагам пристали... и государьское свое прирожение пременили в худое рабское служение», патриарх Гермоген обратился к русскому народу с призывом выступить на защиту родины. За этот патриотический порыв патриарх был лишен свободы. Патриарший престол снова занял грек Игнатий, ставленник Лжедимитрия I, после свержения своего патрона находившийся в Чудовом монастыре. Обычно за отсутствием патриарха его заместителем был митрополит крутицкий, но Крутицкая митрополичья кафедра после смерти митрополита Пафнутия (1608 г.) оставалась вдовствующей. Старейший после крутицкого иерарх. Новгородский митрополит Исидор, с занятием (в июле 1611 г.) шведами Новгорода не мог быть исполнителем распоряжений патриарха. Ростовский митрополит Кирилл (Завидов), ставший митрополитом ростовским 18 марта 1605 г. и уступивший митрополичью кафедру в апреле 1606 года Филарету (Романову), хотя и стал вновь править Ростовскою

епархией в 1611 году, но он не мог использовать свое положение и развернуть свою деятельность, так как ростовским митрополитом официально был Филарет (Романов), находившийся в составе великого посольства под Смоленском, а потом отправленный пленником в Польшу. Поэтому после лишения свободы патриарха Гермогена старейшим иерархом Православной Русской Церкви оказался Казанский митрополит Ефрем. Он уступал в отношении инициативы и энергии патриарху Гермогену, может быть, в силу своего возраста, а возможно, и по слабости здоровья (умер он 26 декабря 1613 г.). Всю тяжесть борьбы за свободу и независимость Родины патриарху Гермогену пришлось нести на себе. Современник понимал это и превосходно выразил в своем произведении: «Вестно и дерзостно достоит рещи: аще бы таких великих и крепких и непоколебимых столпов было у нас не мало, никакоже бы в нынешнее злое время от таких душепагубных волков, от видимых врагов, от чюжих и своих, святая и непорочная вера наша не пала, найпаче бы просияла, и великое бы наше море без поколебания и без волнения стояло. А ныне един уединен стоит и всех держит и врагом сурово прет, а иному некому пособити ни в слове, ни в деле; кроме Бога и Пречистыя Его Матери и великих чудотворцев, способников себе не имеет никого же. Которые его были сынове и богомольцы, той же сан на себе имеют, и те славою мира сего прелестного прелстилися, просто рещи, подавилися, и к тем врагам приклонилися и творят их волю»[1]. Нет надобности в кратком специальном очерке расшифровывать объективную, горькую истину слов цитируемого автора. Крепким и непоколебимым столпом, твердым адамантом и поборником непобедимым, пастырем великим и крепкодумным оказался великий и святой узник, мощное слово которого из сводов подземелья достигало берегов Волги.

События между тем складывались все более и более неблагоприятно для русского государства. Сходившиеся к Москве по зову патриаршей грамоты ополченские отряды собирались медленно и не смогли поэтому оказать поддержки московскому посаду, поднявшемуся против засевших в Кремле и Китай-городе оккупантов. В неравной борьбе восстание было подавлено, посад был выжжен. Современники это печальное событие назвали великим московским разорением. Почти одновременно наши великие послы под Смоленском, не желавшие нарушать наказа патриарха Гермогена, были отправлены королем в качестве пленников в Польшу. Король Сигизмунд III заговорил настоящим языком и не стал скрывать своих захватнических целей. 3 (13) июня 1611 г. ему удалось занять Смоленск. Смоленские «сидельцы» оказались героями до конца. Они заперлись в соборном храме и подожгли хранившийся в подвале порох. Храм взлетел на воздух и похоронил под своими развалинами героев. Через месяц был оккупирован шведами Великий Новгород. Среди собравшегося под Москвой ополчения не оказалось единства. Современник с грустью отмечает этот прискорбный факт: «Между же воевод, стоящих под Москвою, ненависть умножашеся и друг над другом превзимахуся гордостию, всякий хотяше от всех почитаем быти»[2]. Враждовавшими воеводами были: Прокопий Петрович Ляпунов, лидер ополченцев-дворян, Иван Мартынович Заруцкий, возглавлявший ополченское казачество, и князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Казаки не могли примириться с тенденциями дворян к гегемонии, а дворянство не желало поделиться своими привилегиями с казаче-

---

[1] «Новая Повесть», Русская историч. библиотека, т. XIII, стр. 206—209.

[2] Новый Летописец (цит. по изд. Оболенского), стр. 136 и 138.

ством. Приговор общего собрания, составленный 30 июня 1611 г. в интересах дворянства, окончательно разъединил ополчение. 22 июля Прокопий Ляпунов был убит казаками, и великая армия стала распадаться. Мрачные тучи еще более низко нависли над нашей Родиной. Казалось, что все уже потеряно, выхода нет, и на народном организме не имеется места, к которому можно было бы приложить целебный пластырь. Но где оказался бессильным человек, там проявилась помощь свыше, где «преумножился грех, ту преизбыточествова благодать». Чем мрачнее была ночь, тем ярче блистали звезды, и чем глубже была скорбь, тем ближе русский народ почувствовал Бога. Летописец рассказывает, что в это время в лагерь ополченцев, стоявших под Москвой, принесли из Казани образ Пресвятой Богородицы, копию чудотворного, явившегося в Казани. Прибывшая святыня сгладила существующую в лагере социальную рознь: «Вси же людие из таборов изидоша во сретение Ее пеши, только Заруцкий с казаками встречали небесную Гостью выехавше на конех»[1]. Летописец досадно краток. Он не рассказывает, по чьей инициативе прибыл св. образ и где он находился по прибытии. С большою степенью достоверности можем утверждать, что образ был прислан из Казани по инициативе Казанского митрополита Ефрема. Не забудем, что пред чудотворным явленным образом Казанской Пресвятой Богородицы в свое время возносил молитвы патриарх Гермоген, когда занимал Казанскую митрополичью кафедру[2]. Помещался св. образ, очевидно, в церкви Пресвятой Богородицы в Крутицах.

Два процесса, тесно связанные друг с другом и взаимно обусловливавшие друг друга, характеризовали возрождение русского государства. Во-первых, начался подъем нравственного исправления самого народа. Этот процесс отмечает русский летописец. Он рассказывает, что в ополченском лагере под Москвой вдруг откуда-то появился «свиток», в котором рассказывалось о видении в Нижнем Новгороде какому-то благочестивому человеку Григорию. Явившиеся Григорию два мужа объявили, что условием спасения для русского народа будет всенародное покаяние и всенародный строгий трехдневный пост, во время которого даже грудные дети не должны были питаться материнским молоком. Не только люди, но и домашние животные должны были оставаться без пищи в продолжение трех дней. «Аще вси человецы обратятся на покаяние во всей Русской земли и вси до единого сохранят пост три дня и три нощи,ничтоже ядущи и пиющи, старцы и юноши и ссущие младенцы, не точию же человецы, но и скотом своим такожде сотворят пост тридневный. Егда же сие сотворят, тогда московское государство очистится от толикия скорби». Этот свиток имел значение своеобразного воззвания, сделался достоянием широких народных масс, и, по рассказу летописцев, всенародное покаяние и пост были выполнены, ибо все желали «благополучные тишины по толиких волнениях». Русская земля, как древняя Ниневия, произвела нравственное очищение, которое послужило залогом очищения физического. Летописец отмечает этот процесс нравственного возрождения русского народа: «И от того времени начася по малу быти благо; мятеж же от того времени начат умалятися, дондеже все оное волнение прекратися»[3].

Процесс этот происходил исподволь, но последовательно и неуклонно. Стоявшие под Москвой отряды ополченцев убывали. Многие рат-

---

[1] Новый Летописец, стр. 139.

[2] По словам «Сказания» митрополит Гермоген первый взял ее (икону Пресвятой Богородицы) от земли, когда она явилась в г. Казани.

[3] Новый Летописец, стр. 143.

ные люди уходили, не будучи в состоянии выносить скорби и тесноты от казаков, другие шли домой лечиться от ранений. Однако некоторая часть ратных людей оставалась под Москвой, ожидая чего-то чудесного, великого, сверхъестественного. И это великое совершилось. Второй процесс, характеризующий глубокий сдвиг в настроении русского народа, связан со вторым земским ополчением, собравшимся в Нижнем-Новгороде под впечатлением полученной здесь грамоты патриарха Гермогена. Летописец очень красочно говорит об этом: «Бог же призре на смирение рабов своих и не восхоте отчаянием погибнути им, даде помощь не единому граду Москве, но всему государству, отнюду же не надеяхуся». В конце августа 1611 г. в Нижнем-Новгороде была получена грамота от имени патриарха Гермогена с призывом итти на освобождение Москвы и Родины от захватчиков. Земский староста Кузьма Минин Сухорукий выступил с убеждением осуществить завет патриота святителя. Широкою волною полились пожертвования. Скоро можно было приступить к организации самого ополчения. Дело было поручено князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, человеку исключительной честности, горячему патриоту, в марте 1611 г. раненому во время столкновения с польским отрядом в Москве. В начале марта 1612 г. главные силы ополчения двинулись к Москве через Кострому и Ярославль. Такое окружное движение имело огромное значение. Оно обеспечивало ополчению тыл, укрепляло ополченские отряды количественно и делало нижегородское ополчение общерусским. Во время этого движения Пожарский разрешил ряд очень важных организационных вопросов. Последним делом Пожарский особенно энергично занимался в Ярославле. В конце августа ополченцы находились уже под Москвою. Сильную поддержку продвигавшееся к Москве ополчение встретило со стороны Троице-Сергиевской обители. Главного инициатора второго нижегородского ополчения, патриарха Гермогена, уже не было в живых. Когда Гермоген категорически отверг домогательство поляков воздействовать на ополченцев, чтобы они не шли к Москве, его лишили пищи, и 17 февраля 1612 г. не стало лучшего русского человека того времени. Традиции патриарха Гермогена продолжали архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий и келарь Авраамий Палицын.

Под Москвою второе ополчение встретило остатки первого. Казаки враждебно отнеслись к прибывшим. Между тем требовалось напрягать все усилия, чтобы не допускать доставку продовольствия сидевшим в блокаде в Кремле и Китай-городе полякам. Это продовольствие вез осажденным гетман Хоткевич. Однажды, когда казаки оставили было поле сражения, келарь Авраамий Палицын обратился к патриотическому чувству казаков и убедил их помочь ополченцам. Хоткевич был отбит. Два месяца продолжалась осада. Казаки снова начали враждовать с ополченцами, требуя денежного жалованья и грозя уходом. Положение дел под Москвой становилось очень обостренным, так как денег у ополченцев в достаточном количестве не было. Спас положение тот же Авраамий Палицын. По его представлению, Троице-Сергиев монастырь, не имея денег, предложил казакам церковные драгоценности, ризы, церковные сосуды, кресты, оклады с икон. Эта жертва произвела сильное впечатление на казаков, которые отослали в монастырь церковные вещи, обещая действовать в тесном контакте с ополченцами. Контакт этот наладился и, как не трудно заметить, силою церковного авторитета. Летопись не говорит нам о местонахождении Казанской иконы Пресвятой Богородицы во время боевых действий у стен Москвы второго земского ополчения. Можно не сомневаться, что она находилась здесь

же, под Москвой, и, по всей видимости в Крутицах. В конце июля 1612 г. князь Д. М. Пожарский обращался в Казань к Митрополиту Ефрему с просьбой поставить в Крутицах митрополитом игумена Саввино-Сторожевского монастыря Исаию. Митрополит Ефрем по неизвестной нам причине отказался исполнить эту просьбу [1]. Князь Д. М. Пожарский, вероятно, знал Исаию с хорошей стороны и поэтому выдвигал его на высокий церковный пост. Вполне возможно, что Исаия и возглавлял то духовенство, которое было связано с ополченскими отрядами под Москвой. Постоянное присутствие в ополченском лагере келаря Авраамия Палицына не подлежит сомнению. Не подлежит сомнению и то, что образ Казанской Богоматери стал полковой святыней князя Пожарского и этим самым второе ополчение оказалось связанным с первым. 22 октября 1612 г. ополченцы взяли приступом Китай-город, а вслед затем страшный голод заставил капитулировать и польский гарнизон в Кремле. Столица русского государства была освобождена от оккупантов. Освобождение Москвы послужило залогом освобождения от интервентов и всей Родины в целом. Не трудно видеть, какая видная роль в деле освобождения Московского государства выпала на долю Православной Русской Церкви. Как первое, так и особенно второе земские ополчения от начала и до конца были связаны с именами наших русских патриотов, как патриарх Гермоген, Троице-Сергиевский архимандрит Дионисий, келарь Авраамий Палицын, Казанский митрополит Ефрем и др. Современники непосредственно и воочию ощущали и божественную помощь нашей Родине Пресвятой Богородицы, проявленную Ею через Свой образ. Не без основания в память освобождения Москвы от польско-литовских захватчиков установлено было второе празднование 22 октября в честь Казанской иконы Богородицы. Совершенно не случайно, несколько позднее, в 1630 г. усердием и на средства князя Димитрия Михайловича Пожарского на углу Никольской улицы и Красной площади был заложен храм — так называемый Казанский собор, освященный в 1633 г. Эти два обстоятельства — яркое выражение народной благодарности небесной Воеводе земли русской, неоднократно спасавшей нашу Родину и ее столицу от тяжелых бед.

А. МОЛЧАНОВСКИЙ

---

[1] Думаем, что он не отваживался брать на свою ответственность рукоположения святителя на высокий руководящий пост. Как первоиерарх русской православной церкви Ефрем 11 июля 1613 г. венчал на царство Михаила Романова, подписал «Уложенную грамоту» об его избрании и грамоту о сборе денег и вещей с населения в пользу ратных людей.

МОЛИТВА БОГОМАТЕРИ
В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тебе, о Дево Пресвятая,
Люблю молиться в час ночной,
Горячи слезы проливая
Перед иконою святой.

Услышь меня, о Матерь Спаса,
Вонми мольбе моей простой;
К Тебе взываю детским гласом:
Дай мне отраду, дай покой.

Твой Сын, вися на древе крестном,
Тебе всех нас усыновил;
С тех пор «Невесте неневестной»
Молитв горячих кто не лил.

Тебе известна скорбь людская
На трудном жизненном пути.
О, подкрепи меня, Благая,
Чтоб мне в унынье не притти.

Я изнемог, ослабли силы,
Томится сердце, ноет грудь.
Прошу Тебя: мне до могилы
Благой Помощницею будь.

В годину тяжких испытаний,
Постигших родину мою,
Избавь от бедствий и страданий,
Тебя, Всепетая, молю.

Тебе «Избранной Воеводе»
Свое моленье возношу
И для родного мне народа
Победы над врагом прошу.

Тебе молюся я прилежно:
Врага безбожного смири
И мир святой и безмятежный
В отчизне нашей водвори.

О, Матерь Божия святая!
Моленью моему вонми.
И слезы, стоны, воздыханья,
Как жертву чистую, прими.

АРХИЕПИСКОП ВИТАЛИЙ

МОСКОВСКИЕ СВЯТЫНИ

2. Казанская икона Божией Матери

Овеянная облаком грусти Пречистая, с кроткой печалью на склоненном челе и благословляющий Младенец с тенью улыбки на ясном лике — таким встает перед мысленным взором образ Матери Божией Казанской, столь знакомый каждому с детства и поэтому особенно милый и близкий.

По расположению фигур, по выражению ликов икона своеобразно антиномична. Древний изограф вдохновенно уравновесил два противоположных звучания: скорби и благоволения, мольбы и услышания, создающие впечатление полноты и завершенности, присущие собственно этому образу и заметно отличающие его от других икон.

При уставной скупости художественных средств выражения иконописец сумел воплотить в этой иконе одну из любимейших идей христианства — идею молитвенного ходатайства Богоматери за мир и услышания Ее. И может быть, именно благодаря тому чувству ободрения и надежды, которые уносит в душе молящийся, так велико повсеместное почитание иконы Божией Матери Казанской.

Первоначальное явление святыни относится ко времени Иоанна Грозного, т. е. к XVI веку. Сохранилось летописное сказание, что в 1579 г. при архиепископе Иеремии страшный пожар опустошил Казань и превратил в развалины половину Кремля. Когда город стал снова отстраиваться, то на месте пожарища из-под пепла была отрыта икона, завернутая в суконный рукав старинной одежды вишневого цвета, причем оказалось, что краски на образе так свежи, будто он только что был написан. Икону торжественно внесли в приходскую церковь св. Николы Тульского, где настоятелем был священник впоследствии святитель Гермоген, принявший в смутное время мученическую кончину за свои патриотические выступления. После икона была перенесена в Благовещенский собор. С иконы была снята точная копия и с подробным донесением о явлении ее отправили в Москву к царю и митрополиту. Послом поехал святитель Гермоген, много послуживший прославлению образа: он написал канон и тропарь иконе и самое сказание о явлении ее. На месте обретения святыни был устроен монастырь, и в 1594 г. был заложен каменный собор, освященный лично св. Гермогеном, в то время уже Митрополитом Казанским.

Так честная икона послужила и прославлению Святителя, прославившего ее, выведя его из тени незаметного существования к широкой церковно-общественной деятельности, а впоследствии и на великий подвиг спасения Родины в сане патриарха Московского и всея Руси.

Когда в 1612 г. народные ополчения Минина и Пожарского в жарком приступе выбили поляков из Китай-города и торжественно вступили 22 октября в Московский кремль, то впереди русских дружин была Казанская икона Богоматери, которую патриарх Гермоген наказал нижегородцам взять в поход.

В память славной победы было установлено праздновать Казанской иконе два раза в год: 8 июля в день ее обретения и 22 октября в день избавления Москвы от поляков — сначала в Москве и Казани, а с 1649 г. и по всей Руси. Кроме того, с соизволения митрополита и царя, Пожарский построил на Красной площади собор в честь иконы Казанской, торжественно освященный в 1633 г., куда и был поставлен чудотворный образ.

С перенесением столицы в Ленинград, при Петре Великом, в числе многих святынь туда была увезена и икона Божией Матери Казанской, для которой в новой столице был также воздвигнут прекраснейший собор по замыслу — знаменитая базилика св. Петра в Риме, в несколько уменьшенном виде,— предположенный к постройке при Павле I и законченный в 1811 г. при Александре I.

Существует, однако, мнение, что в северную столицу был увезен древний, первоначальный список, поднесенный Иоанну Грозному святителем Гермогеном. Пришедший же с ополчениями, особенно дорогой для москвичей, чудотворный образ, который до 1633 г. хранился в палатах Пожарского на Лубянке против Введенской церкви, куда ежегодно бывали крестные ходы, так и остался в Казанском соборе в Москве. В пользу этого мнения говорит то обстоятельство, что размеры московского образа значительно меньше размеров как иконы, находящейся в Ленинграде, так и иконы в Казани. Во всяком случае все три чудотворные иконы в Казани, Москве и Ленинграде глубоко чтутся верующими, являются источниками многоразличных милостей Богоматери и служат светлым напоминанием лучших страниц истории нашей дорогой Родины.

Обретенная в Казани после присоединения царства Казанского икона эта явилась как бы символом мира и спокойствия на восточных границах Руси. В Москве она напоминает об избытии тягот лихолетья и об освобождении сердца страны от захватчиков. В Ленинграде — эта заветная святыня, говорящая о блистательных победах первой отечественной войны 1812 г. и ее героя, столь близкого нашему времени — незабвенного Кутузова-Смоленского.

В наши дни, в связи с реконструкцией Москвы, родная святыня была перенесена в Кафедральный Богоявленский Собор в Елохове и хранится там бережно и любовно на лоне местного образа Богоматери справа от Царских врат главного алтаря.

Т. М. БОГОСЛОВСКИЙ

И. А. КРЫЛОВ

(к 100-летию со дня смерти)

22 июня 1944 года, когда «исполнилось три года со дня злодейского нападения разбойничьих немецко-фашистских банд на Советский Союз» Совинформбюро, подводя военные и политические итоги, писало: «...теперь всем ясно, что гитлеровцы, замышлявшие покорить весь мир, взялись за непосильную задачу. Положение гитлеровской клики напоминает судьбу той лягушки из басни Крылова, которая затеяла в дородстве с волом сравняться, начала пыхтеть и надуваться, но с натуги лопнула и околела»...

«Его басни переживут века»,— сказал Батюшков о Крылове. Басни Крылова стары, но они не «состарились»... Они иногда, так же злободневны теперь, как и сто лет назад.

...И басни эти — наша быль,
И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят:
Ее давно мы затвердили:
Ее и внуки затвердят —

писал Вяземский.

Естественно спросить, почему басни, написанные более ста лет назад, для нас подобны старым, хорошим знакомым... Почему они так близки нам, понятны, любимы нами? Мы потому так любим Крылова, что он любил нас. Он любил Россию, русский народ, он был самым народным из русских писателей. Недавно профессор Евгеньев-Максимов в лекции «Великий русский народ в творчестве Некрасова» сказал: «Для того, чтобы быть подлинно народным поэтом, нужно знать народ, нужно любить народ, нужно верить в народ, нужно, наконец, писать на понятном народу языке».

Крылов знал народ, как никто. «Басни Крылова — это современная история в апологах... а картины его — русская натура живьем»,— писал Булгарин в воспоминаниях о Крылове[1]. Белинский в 1844 году писал в «Отечественных записках»: «И. А. Крылов больше всех наших писателей кандидат на никем еще не занятое на Руси место «народного поэта», он им сделается тотчас же, когда русский народ весь сделается грамотным народом»...

Это пророчество...

Любовь к народу и вера в народ — краеугольные камни творчества Крылова. А язык Крылова — это «такое неисчерпаемое богатство идио-

[1] «Северная пчела», 1845, № 8—9.

мов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство,— что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении» (Белинский). «О естественности, простоте и разговорной легкости (ясности) его языка нечего и говорить,— продолжает Белинский.— Язык басен Крылова есть прототип языка «Горя от ума» Грибоедова» [1]. Брат Крылова, обыкновенный русский человек, писал Ивану Андреевичу Крылову: «...Но как ты... пишешь,— это для всех: для малого и для старого, для ученого и простого, и все тебя прославляют» [2].

Сколько пословиц, поговорок и крылатых слов перешло в русский язык из басен Крылова!

Простота Крылова — это самая умная сложность... Это простота настоящего искусства: искусства, создаваемого гением ценой огромного труда.

Историческое значение Крылова В. Саянов в статье «Крылов и русская литература» определил так: «Подобно тому, как Пушкин завершил поэму, Крылов завершил басню».

Крылов — патриот отчизны. Любовь к родине, к народу — источник народности его творчества. О нем Погодин воскликнул: «Как все по-русски, чудо!».

Крылов ненавидит врагов с тою силой, с какой любит родину. В басне «Волк на псарне», изображая иноземного завоевателя (волк), который видит, что дела плохи и «пришел мириться», Крылов делает мудрый вывод:

С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой.

Сейчас, когда гитлеровская лягушка, мечтавшая превзойти вола, вот-вот лопнет и околеет, эта мудрая басня Крылова звучит особенно злободневно.

Крылов — реалист и демократ.

Его басни — бесценная сокровищница народной мудрости.

«Истинно народный поэт», «Исключительно русская натура», вот два великих слова о нем двух великих людей — Пушкина и Белинского.

За мудрость, за правду, за любовь к России, за подлинную народность творчества — вот за что мы так любим и ценим Крылова.

СЕРГЕЙ ЗАКГЕЙМ

---

[1] «Отечественные записки», 1840, № 5.
[2] Кеневич, Материалы для биографии И. А. Крылова.

Корреспонденции с мест

ПО ОСВОБОЖДЕННЫМ РАЙОНАМ

I

Протоиерей Николай Ломакин, командированный в Псков для расследования разрушений, произведенных немцами, сообщает:

Всему миру известна ненависть фашизма к христианству, к Православной Русской Церкви и к историческим и национальным ценностям нашим, к культурным и художественным достижениям народов Советского Союза.

С грустью приходишь к выводу, что множество величайших памятников зодчества и поэтических красот нашей необъятной отчизны, в лучшем случае, варварски истерзано и обесчещено немецкими гуннами, если не уничтожено вконец.

Исключения имели место лишь в тех случаях, когда отрезанные нашими победоносными войсками захватчики, боясь плена и расправы, спешно, панически отступали, не успев произвести обычные для них взрывы, поджоги, грабежи и другие злодеяния.

Не избег чаши скорбей и наш древний русский город и младший брат Новгорода — Псков.

Город-музей, православный заповедник, украшенный большим числом храмов и монастырей, или задумчиво утопающих в тенистых садах и парках или живописно расположенных на берегу р. Великой и ее притоков,— в большей своей части превращен немцами в развалины.

«От начала Русския Земли,— говорит псковский летописец,— «сей убо град Псков никоим же князем владом бе, но на своей воли живяху в нем сущии людие».

Но при немцах псковичи испытали такое иго, такой кошмар разрушений, пожаров, утонченных зверств и жестокостей, каких Псков не переживал во все времена своего многовекового существования.

В Пскове — свыше 60 храмов, из коих до 39 представляют собой, хотя и в разной степени, ценнейшие памятники русского зодчества, стенописи (фресок) и церковной иконографии. При этом должно отметить особые, своеобразные формы псковской архитектуры, по существу оригинальные и тесно связанные с историей Пскова.

Детинец. Троицкий собор. Величественный, грандиозный храм, основанный в 1137 году, в настоящем виде — постройки 1698 года.

Изумителен многоярусный иконостас, как и сама Великая Русь, веками нараставший и «до небес» устремленный. Особое испытываешь чувство радости, что такая святыня православная вырвана из рук врага и не до конца им разграблена... Но что это?!.

Нет царских врат. На амвоне и у св. Престола — следы обильной крови. Кощунственно сдвинут с места св. Престол... Там, оказывается, где веками приносилась бескровная жертва «о всех и за вся», там, где

возносились молитвы «о мире всего мира», у царских врат немцами установлена мина, взрывом которой уничтожены врата и смертью мучеников погибли три наших воина.

Жестокая изобретательность, превосходящая всякое воображение!

Мины-сюрпризы установлены были фашистами и в других частях храма, в случае удачи они грозили разрушением всего здания. Подобным образом минированы были входные двери церкви Св. Василия на горке (1403 г.), к счастью, во-время обезвреженные.

Фашистами взорвана колокольня (XVII в.) Снетогорского монастыря, от взрыва которой серьезно поврежден знаменитый фресками Рождественский собор (1311 г.).

Сожжен собор Иоанновского монастыря (1240 г.). Смежная с ним церковь — совершенно уничтожена.

Разрушена и сожжена церковь Косьмы и Дамиана «с примостья» — на Запсковье.

Там же сожжена церковь Богоявления (1469 г.). Совершенно уничтожена церковь св. муч. Никиты (1470 г.) — высокий образец псковских ступенчатых сводов.

Сожжены церкви: Вознесения «Старое» (1476 г.), церкви Косьмы и Дамиана (1530 г.) на Гремячей горе, церковь Николы со Усохи (1536 г.), церковь Иоакима и Анны (XVI в.), разрушена церковь Сергия с Залужья (1561 г.), сожжена церковь Николы Единоверческого (XIX в.) на ул. Калинина; в соборе Мирожского монастыря (XII в.) повреждена живопись на западной стене и в абсиде. Вот краткий список храмов, наиболее пострадавших от фашистского варварства в Пскове.

Прочие храмы Пскова менее пострадали, однако все без исключения нуждаются в серьезном ремонте.

Из всех храмов, в которых была церковная утварь, облачения, иконы, сосуды и т. д., немцы полностью вывезли имущество, крайне захламили, кощунственно загрязнили здания их. Например, в Рождественском соборе устроили склад вина, в Соборе Иоанновского монастыря — склад угля и торфа, в пределах церкви Богоявления на Запсковьи и под звонницей была устроена конюшня.

* * *

В атмосфере злобы ко всему православному, ко всему русскому, в дыму и огне сатанинского шабаша немецких разрушений и поджогов святынь и памятников нашей родины,— легко представить, как жилось «в Плескау» самим псковичам.

Расстрелы, пытки, режим плетей и палок, тюрьма, в больницах отравления русских больных, кошмарные застенки гестапо, трудовых лагерей и беспримерные издевательства над русскими военнопленными, из которых, вообще говоря, едва ли многие уцелеют,— обычные явления псковской жизни при фашистах.

Священник Псковского района Смирнов Михаил, 66 лет, многократно предавал земле кости сожженных немцами русских граждан. Он был свидетелем избиения немцами его духовных детей, сожжения деревень, население коих подозревалось в связи с партизанами.

В самом Пскове расстрелы были обычным явлением. О них население извещалось по радио. Также по радио сообщалось о телесных наказаниях (порке) граждан.

Тысячи псковичей были угнаны немцами на каторгу, тысячи замучены в концлагерях.

Надо прямо сказать: Псков окружен кладбищем его граждан, замученных фашистами за время их хозяйничанья здесь.

II

О немецких злодеяниях сообщает в редакцию А. Ф. Горбунов:

Много раз мне приходилось читать в газетах и журналах о немецко-фашистских злодеяниях, о грабеже и насилии, об убийстве и разрушении исторической и религиозной культуры. Мороз проходил по коже, мешалось в мыслях и не верилось, что это правда. Да, этого никогда не было в истории человечества даже в эпоху дикости и варварства, а сейчас, в эпоху расцвета культуры, мне пришлось своими глазами увидеть следы кровавого фашизма. Проезжая по фронтовой линии (Калининская область) в качестве рядового бойца, я увидел огромные пепелища и груды развалин,— все, что осталось от прекрасных советских зданий. Жители ютились около родных мест, одетые в лохмотья и обутые в опорки.

Жители рассказали мне, что все разрушили, сожгли и ограбили немцы. Они отбирали скот и только у некоторых хозяев остались целы коровы потому, что они мазали их смолой и дегтем, выдавая за больных. Масло, кур и яйца отбирали. Рылись в сундуках и брали вещи, не гнушались ничем. У одной семидесятитрехлетней старушки после пожара осталось две рубашки, и те немец отнял и надел на себя.

Если жители сопротивлялись и не давали свое добро, то немцы избивали их или убивали. В одном доме я видел много икон, но все они были исцарапанные, расколотые на несколько частей, ризы и венцы с них сняты, стекла разбиты, книги религиозного содержания все растрепаны, много листов утеряно, много книг сожжено. Хозяева мне рассказали, что над их святыней надругался немец, что он не любит нашу святыню; в этом селе немцы разрушили церковь, а народу сказали, что построят новую в другом месте, но ничего не построили.

В другом селе жители показали мне место за огородом и сказали, что здесь погибли от руки немцев отец с сыном; они были зверски замучены немцами потому, что мальчик взял у живших у них на квартире немцев папироску; тогда они вывели отца и сына сюда и расстреляли отца за то, что он не досмотрел за сыном. Так жестоко поступили фашисты.

Немцы расстреливали за то, что хозяйка несвоевременно приносила им напиться воды. Я видел, как матери оплакивали своих дочерей, которых немцы силой угнали как бы на работу в Германию, но их завозили от дома на 15—20 километров, издевались, насиловали их, а потом расстреляли.

III

Бывший настоятель церкви с. Рышловки, Коростенского р-на, Житомирской области, священник Роман Сигкоров сообщает о случаях насилия и убийств, какие были совершены немцами на территории Житомирской области.

В селе Рышловка зверски убиты немцами 16 человек и положены в Покровском храме. За несколько дней до прихода Красной Армии немцы сожгли в том же селе 50 дворов и забрали весь рогатый скот у селян.

Священнику посчастливилось уйти из вражеских рук. Немцы с цигарками в зубах ходили по алтарю, искали золотых вещей; взяли чашу, посмотрели, что она не чистого золота и оставили; хотели забрать св. антиминс, но священник раньше спрятал его.

ПОМОЩЬ ФРОНТУ

I

МОСКВА, КРЕМЛЬ
ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВ. СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович! Община верующих Покровской церкви на Лыщиковом переулке города Москвы, преисполненная гордостью за нашу героическую Красную Армию, под Вашим мудрым руководством наносящую сокрушительные удары по гитлеровским полчищам, и горя желанием приблизить час нашей победы, вносит 75 000 рублей в фонд обороны.

Желаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, доброго здоровья на радость нашей отчизны.

НАСТОЯТЕЛЬ САРЫЧЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩИНЫ ИННА ВАСИЛЬЕВНА КАНЕВСКАЯ

НАСТОЯТЕЛЮ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ
САРЫЧЕВУ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЩИНЫ КАНЕВСКОЙ ИННЕ ВАСИЛЬЕВНЕ

Прошу передать верующим Покровской церкви, собравшим семьдесят пять тысяч рублей в фонд обороны Союза ССР, мой привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН

II

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ

В ответ на Ваши исторические слова и призыв добить окончательно врага на его собственной земле мы, верующие, прихожане и церковный совет Казанской Кладбищенской города Ельца церкви, Орловской области, собравшись в своем храме и совершив торжественное богослужение о победе нашей дорогой Красной Армии над ненавистным врагом, постановили обратиться к Вам с просьбой дать разрешение на собранные в церкви средства 50 000 рублей купить нам танк с правом назвать его именем «св. князя Александра Невского» от верующих города Ельца и района и в день освобождения нашей Орловской области 28 сентября вручить его той танковой части, которая прославила себя при освобождении нашей Орловской области. Молим Всевышнего Бога, чтобы дух Великого Александра Невского витал и побеждал врага нашим танком и под мудрым Вашим командованием помог принести всему миру скорейшую победу и счастье всему человечеству.

Деньги 50 000 рублей перевели в Елецкий госбанк в счет Комитета Государственной Обороны.

По поручению верующих

НАСТОЯТЕЛЬ ХРАМА ПРОТОИЕРЕЙ Н. ЛЫКОВ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕРКОВНОГО СОВЕТА
АННА ПОПОВА
КАЗНАЧЕЙ ЦЕРКОВНОГО СОВЕТА
ТАТЬЯНА ЖАВОРОНКОВА

НАСТОЯТЕЛЮ КАЗАНСКОЙ КЛАДБИЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
Г. ЕЛЬЦА ПРОТОИЕРЕЮ ЛЫКОВУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦЕРКОВНОГО СОВЕТА ПОПОВОЙ,
КАЗНАЧЕЮ ЦЕРКОВНОГО СОВЕТА ЖАВОРОНКОВОЙ

Прошу передать верующим и церковному совету Казанской Кладбищенской церкви города Ельца, собравшим пятьдесят тысяч рублей на строительство танка имени Александра Невского, мой привет и благодарность Красной Армии. Желание верующих и церковного совета будет исполнено.

И. СТАЛИН

7 IX 44 г,

III

ОТЧЕТ
ЕПИСКОПА ЗИНОВИЯ, ВИКАРИЯ ГОРЬКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

о денежных суммах, внесенных на нужды, связанные с войной, от верующих и духовенства Горьковской области за 1-е полугодие 1944 г.

Внесено:

1. В фонд обороны страны	684 626	руб.
2. На подарки Красной Армии	262 744	»
3. Инвалидам войны	20 009	»
4. Детям фронтовиков	106 593	»
5. Военный заем	697 151	»
6. Вещами и продуктами	210 000	»
Итого	1 981 114	руб.

Взносы во 2-ом полугодии на нужды войны значительно увеличились и поступают в отделение Госбанка ежемесячно.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»

Редакция «Журнала Московской Патриархии» извещает, что производится прием подписки на 1945 г. Стоимость журнала (12 номеров) 100 рублей в год. Подписка от частных лиц принимается через Епархиальные управления и районных благочинных.

К 1 января 1945 г. выходит из печати «Православный церковный календарь» на 1945 г. Предварительная подписка принимается на прежних условиях.

Отпечатано в 18-й типогр. треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Шубинский, 10. Зак. 1203.

Цена 5 руб.